

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

**Образ времени в диалектной речи: лексический,
грамматический, когнитивный аспекты**

АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ
РАБОТЫ МАГИСТРА

Студента 2 курса 252 группы
Направления 45.04.01 «Филология»
Института филологии и журналистики
Савранского Артема Алексеевича

Научный руководитель
зав.каф., д.ф.н., профессор _____ О. Ю. Крючкова

Зав. кафедрой
зав.каф., д.ф.н., профессор _____ О. Ю. Крючкова

Саратов 2020

Введение. Антропоцентризм – одна из главных черт современной лингвистики. Внимание исследователей обращено не только на факты языка, но и на стоящие за этими фактами мыслительные образы и ценностные ориентации. Формируется потребность изучения специфических путей освоения действительности человеком, отражённых в языковой картине мира, неотъемлемой составляющей которой является комплекс представлений о времени.

В свою очередь образ времени, представленный в том или ином языковом идиоме, имеет свои уникальные черты. Это делает необходимым его рассмотрение в рамках диалектологических исследований.

Цель нашей работы – выявить лексические, грамматические, семантико-когнитивные особенности репрезентации образа времени в речи носителей традиционной народной культуры.

Задачи:

1) охарактеризовать базовые особенности представлений о времени в традиционной картине мира;

2) описать используемые приёмы и средства репрезентации компонентов образа времени;

3) проанализировать речь носителей говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области в аспекте использования ими лексических, грамматических маркеров образа времени, реализации когнитивных темпоральных моделей;

4) наблюдать единство или дискретность представлений носителей говора о времени в зависимости от полученных результатов анализа.

Актуальность исследования обусловлена степенью важности темпоральных представлений для любой языковой картины мира.

Материалом исследования послужили расшифрованные записи речи диалектоносителей, полученные в ходе диалектологических экспедиций

Института филологии и журналистики СГУ им. Н.Г. Чернышевского в с. Белогорное Вольского района Саратовской области. Объём обработанного текстового массива составил 199298 словоупотреблений.

Теоретическая значимость исследования обусловлена значительной ролью диалектной картины мира и её отдельных фрагментов (в т.ч. представлений о времени) в формировании и структурировании картины мира общенациональной. Не может игнорироваться и тот факт, что представления диалектоносителей о мире интересны сами по себе, так как обладают большим своеобразием и базируются на специфическом эмоционально-личностном восприятии окружающих явлений.

Структура выпускной квалификационной работы магистра: работа состоит из введения, одной теоретической и двух практических глав, заключения и списка использованных источников.

Основное содержание работы. Первая глава «Теоретические основы исследования: диалект, языковая картина мира, образ времени» состоит из четырёх параграфов и посвящена рассмотрению ключевых понятий, а также общему описанию методов, применяемых в исследовании.

В раздел «Диалект и парадигмы диалектологического знания» даётся определение диалекта как разновидности общенародного языка, употребляемой сравнительно ограниченным числом людей, связанных общностью территориальной, социальной, профессиональной. Каждый диалект обладает рядом специфических черт, отражённых не только на структурном, но также на коммуникативном и когнитивном уровнях. При этом как наука диалектология неоднородна, она включает в себя различные парадигмы. Одна из таких парадигм, названная «коммуникативной», получила своё развитие в трудах учёных Саратовского государственного университета, в первую очередь В.Е. Гольдина, который в 1997 в своей диссертации сформулировал, что «сущность диалекта как особого идиома

заключается прежде всего не в отличиях одних говоров от других, а именно в признаках, объединяющих диалектную речь любых территорий бытования данного языка и при этом характерных не для всех языковых стратов, — в признаках, отличающих диалектную речь от литературной в первую очередь» [Гольдин 1997: 12]. К таким признакам относится и наличие специфической языковой картины мира.

Под языковой картиной мира мы понимаем в первую очередь комплекс представлений о действительности, хранящихся в сознании индивида и эксплицируемых посредством речи. Во втором разделе «Понятие “языковая картина мира”» рассмотрена история изучения данного феномена и охарактеризованы различные исследовательские подходы.

В третьем разделе «Время и образ времени в языке» описаны существующие в лингвистике аспекты изучения времени. Обращается внимание, что, поскольку само по себе время принципиально непознаваемо, каждая исследовательская методика имеет своей целью выявление отдельных компонентов его образа, сокрытых в языке.

В частности к таким методикам, обзору которых посвящён четвёртый раздел «Темпоральные представления и их реконструкция с помощью исследования лексики, грамматики и моделей времени», относятся комплексное исследование темпоральных значений лексики, временных форм глагола, предложно-падежных сочетаний и анализ когнитивно-дискурсивных моделей времени.

Во второй главе «Лексические и грамматические средства выражения темпоральной семантики» представлен анализ единиц различного уровня, используемых для выражения темпоральной семантики.

На уровне лексики (раздел 2.1) к единицам такого рода относятся слова (редко – лексикализованные словосочетания), основным значением которых является обстоятельственное значение времени. В большинстве своём эти

слова принадлежат к пласту общелитературных, диалектизм среди них мало (отдельные примеры: *вечор, утрось, нонче*). Однако их употребление сопряжено с актуализацией характерных для носителей говоров темпоральных представлений.

Так, можно наблюдать случаи метафорического переноса характеристик пространства на время (*всю дорогу*). Как отмечает Е.С. Яковлева, «в архаическом сознании время и пространство существуют ещё в виде некоего единства» [Яковлева 1994: 94]. Следовательно, описываемое явление принадлежит к числу реликтов прошлого.

Особое место в речи и сознании жителей села занимает концептуальная оппозиция «раньше/теперь». Пример можно наблюдать в следующем контексте:

*раньше были полеводы// да кто сеял за ними глядели// мужички сеяли
знали сколько посеять/ как чего// а теперь село/ пропили вот весной–то//*

В подобных контекстах прошлое всегда выступает чем-то вроде образца того, как должно быть. Этому «образцу» противопоставляется слишком отошедшее от идеала настоящее. В рассмотренном нами материале подавляющее число информантов высказывает похожую оценку, что обусловлено такой важной чертой диалектной картины мира, как пассаизм.

Пассаизм заключается в предпочтении прошлого настоящему или будущему. Примечательно, что при таком предпочтении в количественном отношении лексемы, обозначающее настоящее, превосходят лексемы, обозначающее прошедшее время (1013 к 643). Впрочем, данное превосходство нивелируется двумя факторами. Во-первых, лексемы со значением настоящего не отличаются разнообразием (их всего три: *сейчас, теперь, нынче*). Во-вторых, рассматривая контексты, можно обнаружить, что, рассказывая о *сейчас*, носители говоров всё-таки нередко отдают предпочтение не настоящему, а прошлому:

а сейчас нет этого а вот раньше народ/ щас если уж разругаются и не разговаривают и не подходят друг к дружке// а вот раньше народ был проще//

сейчас таких святых уже нет/ как прежде//

Что же касается доли лексем со значением будущего, она в нашем материале незначительна: 40 случаев употребления *скоро* и 45 – *завтра*.

Таким образом, ядро лексико-семантического поля времени формируют единицы *сейчас, раньше, тогда, теперь*. На отдалении от ядра находятся разнообразные лексемы, имеющие определённую актуальность, но всё же ощутимо менее частотные: *вчера, давно, утром, летом, всегда, часто* и т.д. Наконец к периферии описываемого поля мы относим слова со значением будущего времени.

Соотношение временных глагольных форм и выражаемых ими значений (**раздел 2.2**) представлено в нашем материале следующим образом.

Уже упомянутый пассеизм находит своё выражение в частотности форм прошедшего времени (на их долю приходится 53% от общего числа граммем времени). Однако, при всём своём немалом количестве, эти формы не демонстрируют какого-либо значительного разнообразия значений.

Совсем иную картину мы наблюдаем при анализе форм настоящего времени. Уступая формам прошедшего времени в частотности (37%), они, тем не менее, значительно превосходят их в богатстве выражения различных смыслов. Наряду с прямыми значениями, среди которых встречаются такие разновидности, как настоящее актуальное (*он набирает меня?/ набирает?//*), настоящее постоянное (*на пасху-ту варят// яйца красят//*), настоящее абстрактное (*я не поливаю/ только дождик поливает//*), в тексте присутствуют примеры использования данных форм в значении переносном.

Что же касается форм будущего времени, то их доля в диалектной речи чрезвычайно мала. В нашем материале на долю таких глаголов приходится 10%. Вместе с тем имеются и случаи употребления граммем будущего времени в переносном смысле.

В целом имеющиеся в нашем в нашем распоряжении материалы демонстрируют отсутствие каких-либо значительных диалектных особенностей в варьировании значений

Что же касается анализа употребления предложно-падежных форм со значением времени (**раздел 2.3**), то здесь мы опирались на метод, предложенный Е.С. Скобликовой в монографии «Согласование и управление в русском языке» [Скобликова 2005: 104], и в соответствии с этим различали словоформы двух типов: со значением меры времени и момента времени.

Значение меры времени актуализируется при употреблении названий дней недели (*с понедельника, до субботы*), месяцев (*до декабря, половину октября, за февраль*) и других существительных с временным значением (*две недели, весь год, с утра и до вечера, за четыре часа*). Эти существительные дополняются предлогом, числительным или местоимением. Ключевой характеристикой обозначений меры времени является способность быть ответом на вопросы «сколько?/ как долго?». Наибольшей частотностью обладают конструкции, обозначающие точку начала и точку конца момента времени. В общем виде они имеют вид «с ... до ...»: *до старости, до осени, до субботы, с января месяца, с двадцать восьмого года* и т.д.

Словоформы со значением момента времени мы, в свою очередь, делим на три типа: предшествование моменту, совпадение с моментом, следование ему.

Значение предшествования наблюдается в конструкциях вида «до + сущ. в Р.п.» и «перед + сущ. в Т.п.», как то: *до войны, до колхоза, до школы, до декабря месяца, до Петрова дня, перед войной, перед свадьбой, перед*

обедом, перед расставанием, перед воскресеньем. Наряду с ними нами было обнаружено 5 случаев употребления конструкции «к + сущ. в Д.п.» (к Великому посту, к вечеру, к осени, к весне, к Паске) и единичное использование «под + сущ в В.п.» – *под вуходной день.*

Значение совпадения прослеживается в употреблении конструкций с предлогами *в, на* и *при*. Сочетания первого вида наиболее многочисленны из всех предложно-падежных словосочетаний. Также предлог *в* не предполагает каких-то ограничений по сочетаемости, однако по-другому дело обстоит с предлогами *на* и *при*. *На* преимущественно употребляется в связке с обозначениями праздников: *на именины, на эту Казанскую, на второй Спас, на Масленкой неделе, на Масленицу, на Пасху.* В свою очередь *при* используется вместе со словом *царь* или именами собственными для обозначения эпохи правления: *при царе, при Брежневe, при Никоне, при Николае Первом, при Сталине.*

Наконец, значение следования актуализируется в сочетаниях с предлогами *после, через, за.* *После* представлен как самый частотный: *после родов, после ранения, после демобилизации, после пятого класса, после окончания института, после пожара, после родов.* Как видим, в данном случае все временные ориентиры – это какие-то важные, запоминающиеся события в жизни человека. Предлог *через* употребляются со словами, обозначающими некоторый промежуток: *через месяц, через четыре часа, через две недели.* И наконец предлог *за* не ограничен условием сочетаемости с лексемами только одной ЛСГ. Примечательно, что эта ситуация в корне отличается от того, что можно наблюдать в литературном русском языке, где *за* употребляется исключительно со словами, обозначающими время приёма пищи, и используется для передачи значения совпадения с моментом.

В целом же наш материал показывает, что предложно-падежные формы со значением момента времени демонстрируют мало исключительно диалектной специфики. Подбор средств выражения мысли стандартен,

используются те из них, которые являются более привычными и сообразными ситуации.

В разделе 2.4 представлены общие выводы по главе.

Третья глава «Когнитивно-дискурсивные модели времени» посвящена анализу имеющегося в нашем распоряжении диалектного материала с использованием методики, основанной на концепции С.М. Беляковой [Белякова 2005], которая выделяет 4 характерных для современного диалектного дискурса модели: циклическую, линейную, эсхатологическую и психолого-экзистенциальную.

Циклическая модель времени (**раздел 3.1**) когда-то была ведущей в диалектной картине мира. Сегодня она представлена довольно ограниченно. С этой моделью связана идея о повторяемости и предопределённости событий. Наиболее яркое её выражение – аграрный календарь и различные фенологические приметы. См. яркий пример:

а Егорий бывает в году два раз// весенний/ и осенний/ Егорий// вот// волк вот скоро за/ вот осенью Егорий будет вот/ волк за овцой придёт//

С формальной точки зрения актуализация циклической модели требует указания на пору свершения действия («летом», «на Юрьев день», «по средам и пятницам» и т.д.) и на само действие с помощью глагола прошедшего или настоящего времени со значением «настоящее вневременное».

Также сфера религии представлена в нашем материале как обладающая свойством цикличности. Обычай и традиции в сознании жителей села обладают статусом непреложного естественного закона:

остальные вот все дни ешьте/ среду пятницу не ешьте/ хоть в пост/ вот хоть в Петровки вот/ хоть вот сейчас вот/ среду пятницу никогда// я вот никогда/ дочка/ не ем/ никогда вот// пост не пост/ среду пятницу не ем//

С циклической моделью времени связано превосходство прошлого над будущим в диалектной картине мира. Будущее туманно, непредсказуемо, даже опасно. Прошлое, в свою очередь, освоено предками, а потому к нему обращаются как к очевидной истине.

В рамках циклического времени люди ощущают себя частью природы, в которой всё гармонично и всё следует своим чередом. Мир воспринимается ими как единое целое, в котором нет ничего сверх меры. Это не попытка убежать от реальности – это попытка понять и принять её.

Психолого-экзистенциальная модель (**раздел 3.2**) – наиболее частотная и востребованная в нынешнем диалектном дискурсе. Она тесно связана с эгоцентричностью – базовой чертой диалектной картины мира. Локализация событий в прошлом в рамках данной модели происходит не с помощью дат или названий праздников, а с помощью указания на события личной жизни информанта:

*ну они привозили прежде// как школу кончут/ первый/ второй класс/
привозили// мама ищ живая была//*

Для носителя говоров это выступает на первый план и потому, что это очень близко, и потому, что это элементарно удобно, ведь вещи, касающиеся нас самих и вызывающие эмоциональный отклик, сохраняются в памяти намного лучше немых чисел.

Также могут упоминаться события не только сугубо интимного характера, но и различные общественно значимые потрясения (раскулачивание, период коллективизации, голод 1933 года, Великая Отечественная война, «перестройка»):

*вот уже/ как началась эта перестройка/ ничё не платют// в колхозе//
ничё не платют//*

Подобные события обладают значимостью для всех членов социума, будучи неотъемлемой частью коллективной памяти. Но носители говоров не просто хранят и передают эту память. Они воспринимают крупные вехи истории страны в первую очередь как то, что произошло непосредственно с ними, что оказало влияние на их жизнь.

Психолого-экзистенциальная модель встречается во всех говорах и нередко – в литературной разговорной речи. К ней обращаются самые разные люди, независимо от возраста, рода деятельности, специфики мировоззрения, пола.

Линейная модель (**раздел 3.3**) изначально не характерна для речи носителей говоров, однако в последние десятилетия, в связи с активным влиянием литературного языка, её роль стремительно возрастает в диалектной среде. По количеству контекстов в нашем материале она уступает только психолого-экзистенциальной модели. Схема актуализации линейной модели времени довольно проста: называется время свершения действия и описывается само действие – однократное, неповторимое. При этом все события очень важные, такие даты не забываются. Вот почему информанты без труда называют год, а в отдельных случаях вспоминается и конкретный день:

чай отца убили / в июне война началась / в сорок первом / а в декабре двадцать девятого декабря убили//

Осознание линейности времени, неповторимости его отрезков отражается и в метафорических предикатах «время бежит», «время пролетело» и т.д.:

вот она девчонки/ жизнь- то/ и прошла// все 50 лет/ с дедушкой прожили/ и умереть бы// никаких/ ничего чтобы//

Подобные высказывания нередко встречаются в речи носителей самых разных говоров. Этот факт, а также наличие в русском фольклоре таких

пословиц и поговорок, как «Времени не воротишь», «Жизнь бежит, а годы скачут» и др., свидетельствуют о том, что чем-то совершенно чуждым для традиционной сельской культуры линейная модель времени не является. Однако несомненно и следующее: сегодня к линейной модели обращаются чаще, чем когда-либо, и если раньше её употребление исчерпывалось отвлечёнными рассуждениями о быстротечности бытия или, как уже было отмечено, официальными ситуациями, то теперь с воплощением линейной модели можно столкнуться и в совершенно обыденных, бытовых беседах.

Говоря о линейной модели, необходимо отметить важность для неё концепта **ВРЕМЯ**, противопоставленного концепту **ПОРА**, характеризующегося цикличностью. **ПОРА** – фаза цикла, которая многократно повторяется в жизни природы и людей. Для **ПОРЫ** определяющим признаком является закономерность, «принципиальная неновизна». Напротив, **ВРЕМЯ** однонаправленно, необратимо, каждый его миг уникален и непредсказуем:

пришло время// двадцать девятый год/ ну нас в- колхоз тогда всех отобрали/ и скотину начали/ значит/ на- десять дворов/ давай/ оставляли корову//

Эсхатологическая модель (**раздел 3.4**) не характерна для диалектного дискурса в целом, а её репрезентация в говоре с. Белогорное обусловлена лингвокультурологической спецификой языковой картины мира диалектоносителей. Дело в том, что значительную часть жителей села составляют старообрядцы различных толков («согласий»). Этот факт делает всю религиозную тематику довольно востребованной.

Мы обнаружили одиннадцать примеров актуализации данной модели в нашем материале. Рассмотрим один из них:

мне предсказала старуха // когда я была не-большая / вот это дело было ещё... в- германскую войну // гермS... ещё гер-манец воевали с- нами / а

вот я помню... она и говорит / вот / «Васярка» / мой отец / моего отца / а он лежит на- печке / «вот придёт какое время...» / «какое / бабушка?» // «из- стены будут лепёшки выS... вылетать / и кипяток кипеть» / а он смеётся / «да будет / бабушка / собирать –то» // «а тебя / Ва-сярка / придут / с- печки скажут слазий уходи из –дому это...» / а он говорит / «да да / да» / улыбнулись / «я слезу да бёгом побёгу из- своего –то дома» / она «побегёшь / и ничего не- скажешь // вот эта вот говорит девчонка –то / она доживёт / девчонка –то / да // а будут говорит / по- полям –то гоги-магоги ходить да длинные носы // а свет... свет –то говорит весь будет тенё-тами опутанный // вот // а в- Москве / в- Москву –то говорит зайдёт Вовин (#Вовин#) один / будет говорить / а весь мир слушать будет» //

Данный контекст содержит сразу несколько характерных особенностей. Во-первых, присутствует указание на источник («предсказала старуха»). Эсхатологические представления – не индивидуальное, а коллективное знание, передающееся от поколения к поколению. Для говорящего они истинны, как истинна и вся традиция целиком. Во-вторых, высказывание представляет собой развёрнутое, насыщенное красочными деталями описание («из стены будут лепёшки вылетать», «будут гоги-магоги по полям ходить», «в Москву зайдёт Вовин»), выражающее не только уверенность в предстоящем конце света, но и осведомлённость о том, как именно это будет происходить.

В качестве средств актуализации данной модели в нашем материале выступают слова «светопредставление», «Антихрист» (и все сопричастные его приходу явления: катаклизмы, войны и т.д.), сюда же относится и упоминание различных «знамений». Также необходимо отметить важную черту, которая не только отличает эсхатологическую модель от остальных моделей, но и делает её уникальным явлением диалектной речи в принципе. План будущего времени затрагивается в говорах очень редко. Однако в рамках эсхатологической модели взор говорящего устремлён исключительно

в будущее. Этим обусловлено частое использование формы будущего времени глагола.

Обобщённые выводы по главе приводятся в **разделе 3.5**.

В заключении подведены итоги исследования. Обращается внимание на то, что репрезентация компонентов образа времени происходит на разных уровнях языка, при этом наблюдается соответствие с ключевыми характеристиками традиционного сознания и базовыми коммуникативными принципами общения на диалекте. Делается вывод, что лексические, грамматические и когнитивные аспекты речи функционируют не автономно, но взаимопроникают друг в друга, а последовательное применение нескольких исследовательских приёмов позволило нам наблюдать взаимосвязь явлений и их взаимообусловленность.

Список приведённых источников:

1. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 42 с.
2. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1997. – 50 с.
3. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского ун-та. Серия: Филология. Журналистика. Вып. 1. – Саратов, 2009, – Т. 9. – С. 3–7.
4. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 344 с.